

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Изучение истории Ближнего и Среднего Востока

На ранних этапах развития русского востоковедения, одним из центров которого был АМ, первостепенную роль играла тематика «мусульманской ориенталистики», т. е. истории и культуры мусульманских стран. Первые десятилетия существования АМ тесно связаны с именем и деятельностью Х. Д. Френа, учениками которого были многие известные ученые-востоковеды. В изучении истории стран Ближнего и Среднего Востока в дореволюционный период можно выделить следующие основные направления: история культуры, крупный вклад в изучение которой внесли В. Р. Розен, В. А. Жуковский, И. А. Орбели, К. И. Иностранцев и ряд других ученых; исламоведение, представленное трудами В. В. Бартольда, А. Э. Шмидта и их учеников; историко-географические исследования, в которых прослеживается непосредственная преемственность от работы В. А. Жуковского о Старом Мерве к изысканиям Бартольда, охватывающим Среднюю Азию, Иран и Афганистан. Предшественниками этих ученых были ученики Френа — В. В. Григорьев, П. С. Савельев, П. И. Лерх, Н. В. Ханыков, В. Г. Тизенгаузен.

Интересы Григорьева как историка-востоковеда были широки. Его внимание привлекала история монголов, татар, Золотой Орды. Результатом его занятий древней историей Средней Азии явилась монография о саках¹. Ему принадлежит также честь опубликования первого источника на таджикском языке XIX в. и характеристики этого языка².

Одним из самых младших учеников Х. Д. Френа был В. Г. Тизенгаузен. В 1893 г. он был избран членом-корр. АН

¹ «О скифском народе саках», СПб., 1871; по древней истории Средней Азии В. В. Григорьев опубликовал также статью о греко-бактрийском царстве (ЖМНП, 1867, ч. 136).

² «О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьева», Казань, 1861.

по разряду восточной словесности³. В своей научной деятельности Тизенгаузен был продолжателем Френа по нумизматике и по изучению восточных письменных источников, чем он и занимался в АМ.

Самая большая из его востоковедных работ — сбор материала для составления свода извлечений из арабских, персидских и тюркских источников по истории Золотой Орды — велась на средства мецената С. Г. Строганова — председателя «Археологической комиссии». Для выполнения этой работы Тизенгаузен в 1880 г. выехал в Европу, чтобы сделать извлечения из рукописей европейских собраний. Он привез множество выписок, существенно дополняющих материал, собранный им из доступных ему прежде источников. В первый том «Сборника» вошли извлечения из арабских источников. Всего предполагалось издать 4 тома, но остальные оставались неопубликованными⁴.

Бумаги В. Г. Тизенгаузена, основная часть которых была передана его дочерью в 1908 г. в АМ, хранятся ныне в АВ. Среди них есть как его изданные труды (в частности, печатные экземпляры с его правками и авторскими дополнениями), так и оставшиеся в рукописях⁵. Интересны тематически подобранные извлечения из арабских и персидских сочинений, посвященные торговле и ремеслам⁶, посольствам⁷, свадебным праздникам и подаркам⁸, одежде⁹ и т. д. Он оставил после себя не только добрую память и свои работы, но и традиции в восточной нумизматике, дошедшие до наших дней.

Видную роль в развитии исторических знаний о Среднем Востоке сыграл акад. Б. А. Дорн. Окончив в 1825 г. Лейпцигский университет, он вскоре был приглашен на работу в Россию, где остался навсегда, получив широкие возможности для исследовательской деятельности в области востоковедения. С 1829 по 1835 г. он занимал кафедру восточных языков в Харьковском университете, преподавал там арабский и персидский языки, а также вел факультативные занятия по древнееврейскому, эфиопскому языкам и санскриту¹⁰. Затем он переехал в Петербург, куда был приглашен на долж-

³ Биографические сведения о нем см. прежде всего в анонимном некрологе, напечатанном в «Известиях Археологической комиссии», вып. 2, 1902, стр. 112—126 (там же список трудов). Перечень литературы о нем см. в кн.: Лунин, Средняя Азия, Ташкент, 1965, стр. 327, прим. 265.

⁴ СМЗО, I; о заслугах В. Г. Тизенгаузена, впервые определившего ценность некоторых источников для этого «Сборника», см.: И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. IV, стр. 407, 480. Об издании СМЗО, II см. ниже.

⁵ АВ, ф. 52, оп. 1, № 1, 2, 108—119, 120—123, особенно 115.

⁶ Там же, № 38.

⁷ Там же, № 31.

⁸ Там же, № 33.

⁹ Там же, № 37.

¹⁰ И. Ю. Крачковский, Очерки, стр. 54.

ность профессора Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИДа. С 1839 г. Б. А. Дорн — адъюнкт АН, а с 1842 г. — академик.

За время своей работы в АН и в АМ Дорн многое сделал для пополнения коллекции восточных рукописей, их описания и исследования, ввел в научный обиход ценные источники и опубликовал более 140 трудов¹¹. Он занимался описанием и исследованием восточных рукописей не только в АМ, но и в Публичной библиотеке.

Своими трудами Дорн внес значительный вклад в расширение имевшихся в науке сведений по истории Кавказа и прикаспийских провинций Ирана, а также по истории афганцев. Он первым в европейской науке начал глубоко исследовать афганский язык. Он же положил начало изучению истории афганцев по их источникам.

Главной работой Дорна по средневековой истории афганцев были обширные комментарии, которые он дал к изданию своего перевода на английский язык с персидского исторического сочинения, написанного в Индии в XVII в. и определенного им как «Махзан-и Афгани» Ни'матуллы¹². Многие из этих комментариев — глубокие исследования различных сторон истории афганцев. В них Дорн рассматривает первые упоминания этнического названия «афган» и термина «Афганистан» в известных в то время источниках, критически разбирает легенды о происхождении афганцев, приводит большой материал по генеалогиям афганских племен, анализирует противоречивые данные об афганцах, хазарейцах и монголах в Кермане и Ширазе XIV в. и т. д. В этих комментариях Дорн, критически сопоставляя данные письменных источников, впервые осветил определенный круг вопросов средневековой истории афганских племен. Этот период истории афганцев до сих пор еще мало изучен и его исследовательские комментарии сохраняют немалое значение и в наши дни.

Дорн оставил еще несколько работ по истории афганцев. Своим докладом по истории афганского племени юсуфзаев, прочитанным в Петербурге в 1838 г., он ввел в научный обиход ценный источник по истории этой крупной группы афганских племен — «Тарих-и Хафиз-Рахмат-хани», изученный им по лондонской рукописи, и опубликовал составленный по письменным источникам список афганских племен¹³. Будучи директором АМ, Дорн собрал коллекцию рукописей на языке

¹¹ Список трудов Б. А. Дорна, опубликованный Академией наук, см.: Ливотова и Португалъ, Востокосведение, № 701—820.

¹² «The History of Afghans». Translated from the Persian of Neamef Ullah by Bernhard Dorn, vol. II, London, 1836.

¹³ B. Dorn, Beitrag zu der Geschichte des Afghanischen Stammes der Jusufzey, — Bull. sc., t. IV, St.-Pbg., 1838, № 1—2; B. Dorn, Verzeichniss Afghanischer Stämme, — там же, t. III, 257—267.

пашто, сравнительно небольшую, но включающую несколько редких списков важных источников для истории афганской культуры. Коллекция создавалась при содействии учитывавших научные интересы Б. А. Дорна, ученых — Х. Д. Френа и Н. В. Ханыкова ¹⁴.

Много сил и труда положил Дорн на сбор, обработку и исследование материалов по средневековой истории и исторической географии прикаспийских провинций Ирана и Азербайджана. Он опубликовал в критическом издании свод источников по истории Гиляна и Мазандерана и издал тексты и переводы (на немецкий язык) из исторических и географических сочинений средневековых авторов по другим областям Кавказа и прилегающих провинций Ирана ¹⁵. Дорн систематически занимался изучением эпиграфических материалов, связанных с Кавказом ¹⁶. Из его исторических трудов до сих пор не потеряло значения исследование о походах древних руссов в Табаристан — «Каспий», отличающееся полнотой использования источников ¹⁷.

Дорн (в отличие от Френа) не обладал даром объединять научные силы, привлекать к себе молодых ученых, обучать их и воспитывать в них продолжателей своего дела. Поэтому и в афганистике, в той области, в которой он выступал новатором, Дорн не оставил преемников. После того как в 1857 г. он прекратил преподавание афганского языка в Петербургском университете, также надолго оказались прерванными и исследования по средневековой истории афганских племен ¹⁸.

Дорн не ограничивался только книжным изучением Востока. Так, в 1860 г. он совершил поездку по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. Одной из задач этой поездки

¹⁴ Ныне коллекция эта описана и некоторые ее рукописи исследуются сотрудником Иранского кабинета В. В. Кушевым.

¹⁵ B. Dorn, *Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres*, hrsg., übers. und erläutert von B. Dorn, t. I—IV, St.-Pbg., 1850—1858: его же, *Die Geschichte Tabaristan's und der Serbedare nach Chondemir*, Persisch und Deutsch von B. Dorn, — *Mém.*, sér. VI, t. VIII, 1885, стр. 1—182; его же, *Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker, aus morgenländischen Quellen*. I. Versuch einer Geschichte der Schirwanschahe, — там же, t. IV, 1841, стр. 523—602; его же, *Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen*, V. Geographica, enthaltend Auszüge aus Istachry (persische Uebersetzung), Sakariya Kaswiny, Hamdullah Mustaufy Kaswiny und Amin Ahmed Rasy, — там же, t. VII, 1848, стр. 465—569; Nachtrag — стр. 654—658.

¹⁶ Заслуги Дорна (наряду с Френом) в изучении связанных с Кавказом арабских эпиграфических материалов высоко оценены И. Ю. Крачковским. См.: Крачковский, *Очерки*, стр. 88.

¹⁷ Б. Дорн, *Каспий. О походах древних руссов в Табаристан*, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережье Каспийского моря, СПб., 1875 (прил. к ЗИАН, т. XXVI, № 1).

¹⁸ Отдельных вопросов этой истории попутно касались в своих работах на более общие темы В. В. Григорьев, Н. В. Ханыков, В. В. Бартольд.

был сбор материала по гилянскому, мазандеранскому, семанскому, талышскому и татскому языкам¹⁹. Широту его эрудиции и научных интересов показывает круг его занятий: наряду с изучением языков, нарративных памятников и истории он уделял внимание исследованиям арабских астролябий, эпиграфике, нумизматике и т. д. В истории востоковедения он оставил значительный след как исследователь малоизвестных в его время стран и народов Азии и память о себе как об ученом, который работал упорно и неутомимо всю свою жизнь.

В изучении средневековой истории и исторической географии прикаспийских областей и в исследовании арабской и персидской эпиграфики Кавказа рядом с именем Дорна стоит имя Н. В. Ханыкова — выдающегося русского востоковеда XIX в., путешественника и дипломата, деятеля Русского географического общества и члена-корр. Академии наук²⁰. Н. В. Ханыков получил образование в Царскосельском лицее, два года в качестве вольнослушателя Петербургского университета занимался восточными языками у Сенковского²¹. Изучая восточные языки, в основном самостоятельно, Н. В. Ханыков уже в юные годы достиг больших успехов и в 19 лет принял участие в поездке в Бухару в составе миссии К. Ф. Бутенева (1841—1842), а по возвращении из путешествия опубликовал книгу о Бухарском ханстве²². Работа эта, задуманная автором как «опыт систематического описания ханства» на основе не только личных впечатлений и расспросных сведений, но также письменных источников и с учетом результатов предшествующих исследователей, сразу выдвинула Ханыкова в первые ряды русских востоковедов. Работа была высоко оценена современниками, а ныне считается лучшим описанием ханства и города Бухары XIX в., сделанным в дооктябрьский период и поныне не утратившим своего значения²³.

Начиная с 1845 г. Ханыков в течение 15 лет работал на дипломатических и отчасти административных должностях,

¹⁹ См. Соколова, Грюнберг, История изучения бесписьменных иранских языков, — ОИИИЯ, стр. 135—137.

²⁰ В. В. Бартольд, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, — Бартольд, Соч., т. II, ч. I, стр. 770.

²¹ Крачковский, Очерки, стр. 88; перечень материалов, содержащих биографические и другие сведения о Н. В. Ханыкове (некрологи, воспоминания о нем, некоторые архивные данные библиографического и биографического характера), см. в кн.: Лукин, Средняя Азия, стр. 327, 328, прим. 272.

²² «Описание Бухарского ханства, составленное Н. В. Ханыковым», СПб., 1843. В этой книге Ханыков привел, в частности, вариант традиционного списка узбекских племен, извлеченный из сочинения об узбекских родословных (стр. 58—63).

²³ В. В. Бартольд, История изучения Востока, стр. 256; его же, Иран. Исторический очерк, Ташкент, 1926, стр. 127; О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства, Ташкент, 1958, стр. 66.

находясь главным образом на Кавказе, а также совершая выезды в Иран на длительное время²⁴. В марте 1851 г. при создании Кавказского отдела РГО Ханыков был избран помощником председателя отдела, а в сентябре 1857 г. ему было поручено разработать проект Хорасанской научной экспедиции, который был утвержден Советом общества²⁵. Подготовка этой экспедиции, финансирувавшейся государством, проходила при участии многих ведомств и научных учреждений (в их числе АН), выделявших необходимые инструменты и материалы.

К началу 1858 г. подготовка Хорасанской экспедиции была закончена, и она отправилась в путь во главе с Ханыковым. В конце марта экспедиция прибыла в Астрабад, а к началу сентября 1858 г. — в Герат, где успешно вела научную работу до конца января 1859 г.; затем, посетив юго-восточные области Ирана, проследовала через Исфахан и Кум на Тегеран; в конце 1859 г. Ханыков возвратился в Россию. Научные результаты Хорасанской экспедиции по всестороннему исследованию Восточного Ирана и Гератского оазиса были очень велики. Но, к сожалению, они только частично были опубликованы, а остальные (собранные экспедицией ценные этнографические и археологические коллекции) остались необработанными. Попытки руководителей РГО собрать все материалы для опубликования оказались безуспешными в значительной мере в связи с отъездом Ханыкова из России.

Вскоре после окончания экспедиции он переехал в Париж и не возвратился в Россию до конца своей жизни, поддерживая лишь научные контакты в основном путем переписки с АН и РГО, а также с МНП (корреспондентом которого он состоял) и Публичной библиотекой Петербурга²⁶. Отъезд Ханыкова во Францию был, по всей вероятности, вызван идейными причинами, неприятием российской действительности. Известно, что Н. В. Ханыков и его брат Я. В. Ханыков сочувствовали петрашевцам, а еще один из братьев — А. В. Ханыков — был активным участником кружка Петрашевского²⁷.

Каковы бы ни были причины отъезда Н. В. Ханыкова, историкам русского востоковедения оставалось только жалеть об этом, исходя из интересов русской науки. Так, Н. И. Весе-

²⁴ С 1853 до 1857 г. он руководил Российским генеральным консульством в Тебризе, а в сентябре 1857 г. был назначен драгоманом Азиатского департамента в канцелярию Кавказского наместничества (см.: Н. А. Халфин, *Политика России в Средней Азии*, М., 1960, стр. 79).

²⁵ Подлинник проекта — докладная записка Н. В. Ханыкова «Предположение об ученой экспедиции в Хорасан» — находится в АВГО, ф. 1, 1857, оп. 1, № 24, лл. 1—6.

²⁶ См.: Крачковский, *Очерки*, стр. 194.

²⁷ Н. Г. Чернышевский, *Дневник второй половины 1848 и первой половины 1849 г.*, — Полное собрание сочинений, т. I, М., 1939, стр. 188, 196; «Дело петрашевцев», т. II, М.—Л., 1941, стр. 428.

ловский писал: «Ханыков был один из замечательных русских ориенталистов; к сожалению, в России не нашлось места, которое бы соответствовало его способностям и громадной эрудиции»²⁸.

Находясь во Франции, Ханыков опубликовал на основе материалов Хорасанской экспедиции книгу по этнографии Персии²⁹. Из крупных работ, изданных в последние годы его жизни, следует назвать том «Иран» из серии переводов (относящихся к соседям России) частей «Землеведения» К. Риттера. Том этот с комментариями и дополнениями Ханыкова вышел в свет в Петербурге в 1874 г. в издании РГО. Значительное место среди опубликованных научных трудов Ханыкова занимают его письма к крупным востоковедам (Б. А. Дорну и др.), в которых сообщалось об обнаруженных им ценных рукописях, об открытых эпиграфических материалах и т. п. Ряд отдельных заметок и сводных статей Ханыкова, посвященных памятникам арабской и персидской эпиграфики Кавказа, как подчеркивает И. Ю. Крачковский, имеет особенно большое значение в связи с тем, что многие памятники, зафиксированные Ханыковым, впоследствии погибли и сообщения о них Ханыкова «иногда оказываются единственными свидетельствами»³⁰. Во время путешествий, имея возможность сравнить известия исторических источников с современными маршрутами, Ханыков многое сделал в исторической географии. В. В. Бартольд называл его наиболее выдающимся деятелем из лиц, служивших в России по министерству иностранных дел и «пользовавшихся своими командировками для производства историко-географических работ»³¹. В области историко-географических исследований Ханыков был одним из предшественников В. В. Бартольда, высоко ценившего его деятельность.

Говоря о месте научной деятельности Ханыкова в истории русского востоковедения, следует подчеркнуть, что по образованию он был, как упоминалось, связан с Петербургским университетом, а впоследствии познакомился с Х. Д. Френем и пользовался его советами. Как член-корр. АН и в силу личного знакомства с Б. А. Дорном Ханыков был тесно связан с АМ. С Дорном он постоянно вел переписку, имеющую большое научное значение и интересную для истории русского востоковедения. Изданные письма Ханыкова к Дорну составляют лишь незначительную часть их переписки, хранящейся в академических архивах.

Тесно связан был с Ханыковым В. В. Вельяминов-Зернов,

²⁸ Цит. по работе: Крачковский, Очерки, стр. 89.

²⁹ N. de Khanikoff, *Mémoire sur l'éthnographie de la Perse*, Paris, 1866.

³⁰ Крачковский, Очерки, стр. 89—90.

³¹ В. В. Бартольд, Иран, Исторический очерк, стр. 127.

избранный в 1861 г. академиком. Он многое сделал для АМ, пользуясь своим влиянием в руководящих сферах АН и выступая в защиту существования АМ как научно-исследовательского центра востоковедения в России. Восточными языками Вельяминов-Зернов начал заниматься, вероятно, под влиянием Н. В. Ханыкова, который был его двоюродным братом. Еще в Александровском лицее Вельяминов-Зернов изучал персидский и арабский, а в тюркских языках усовершенствовался, находясь на службе на восточных окраинах России с 1851 г., когда он был откомандирован Азиатским департаментом в Оренбург в распоряжение В. А. Перовского³². В 50—60-х годах Вельяминов-Зернов совершил ряд поездок. Он выезжал в глубь казахских степей, путешествовал по Западной Сибири, участвовал в историко-этнографических экспедициях в Рязанскую губернию и в губернии центральной части Европейской России, изучал быт казахского, башкирского, татарского населения, живую речь и письменные источники, подбирал и исследовал документы на восточных языках, штудировал исторические сочинения восточных авторов по рукописям и разрабатывал материалы русских архивов, содержащие сведения по истории татар и соседних с Россией восточных народов.

На основе тщательного изучения русских материалов (главным образом хранившихся в архиве Уфы) и параллельного исследования восточных письменных источников Вельяминов-Зернов написал работу об исторических известиях о киргиз-кайсаках (казахах) и сношениях России со Средней Азией³³. По содержательности и степени достоверности фактического материала эта работа — одна из лучших среди исторических трудов XIX в., посвященных соседним с Россией странам и народам Востока. В приложении к ней В. В. Вельяминов-Зернов опубликовал рассказ жившего в Бухаре в середине XVIII в. греческого купца Н. Григорьева, содержащий ценные данные о хозяйстве и социально-экономических отношениях в Бухарском ханстве того времени.

В числе ранних работ Вельяминова-Зернова было несколько статей о Кокандском ханстве, в которых рассматривались на основе расспросных данных, собранных им от русских и азиатских купцов и других сведущих лиц, события последних десятилетий, происходившие в ханстве, а также изучавшиеся им кокандские монеты; он писал также и о монетах Бухары

³² Биографические данные см. прежде всего: Н. И. Веселовский, В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904). Некролог, — ЖМНП, ч. CCCLII, 1904, стр. 197—212; перечень остальных печатных материалов о жизни и научной деятельности В. В. Вельяминова-Зернова см.: Ливотова, Основная литература, стр. 496.

³³ В. В. Вельяминов-Зернов, Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношение России с Среднею Азиею, ч. 1—2, Уфа, 1853—1855.

и Хивы³⁴. Свои нумизматические статьи Вельяминов-Зернов в ряде случаев сопровождал историческими очерками, переводами отрывков из восточных рукописей, публикациями русских материалов.

Находясь на службе в Оренбурге, Вельяминов-Зернов познакомился с В. В. Григорьевым, пользовался его советами и поддержкой в своих научных начинаниях, а после возвращения в Петербург в 1856 г. переписывался с ним. В Петербург Вельяминов-Зернов привез несколько рукописей исторических сочинений на восточных языках, приобретенных им во время службы в Оренбургском крае, в частности рукопись «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша по истории Средней Азии XVI в. Эту рукопись Вельяминову-Зернову удалось достать в 1854 г., и еще до приезда в Петербург он много работал над ней, намереваясь подготовить к печати персидский текст и русский перевод. Продолжая служить в Азиатском департаменте, он занимался переводом и изучением «Абдулла-наме» в вечерние часы³⁵. В ЛО ААН имеются сведения (документ датирован 13 ноября 1857 г.) о том, что Вельяминов-Зернов отправил Дорну свою работу «Несколько замечаний о рукописи Абдулла-наме», а также письмо Дорну от Ханыкова (от 20.XII.1857) с положительным отзывом об этом источнике и о результатах работы Вельяминова-Зернова по его переводу³⁶. По-видимому, после рекомендации Ханыкова и состоялось знакомство Дорна с Вельяминовым-Зерновым³⁷.

Вельяминову-Зернову не удалось издать ни текст, ни свой перевод «Абдулла-наме»³⁸, но он использовал данные этого источника в фундаментальном труде о касимовских царях, а также в вышедшей несколькими годами ранее нумизматической работе о бухарских и хивинских монетах³⁹.

В конце 1857 г. Вельяминов-Зернов наряду с крупнейшими специалистами в области географии, ботаники и т. п. был привлечен к подготовке упоминавшейся экспедиции в Хорасан, возглавленной Н. В. Ханыковым. В 1861 г. в связи с успешным выполнением большой работы по подготовке к изданию персидского текста важнейшего источника по средневековой

³⁴ Список трудов В. В. Вельяминова-Зернова опубликован в приложении к кн.: «Материалы для биографического словаря д. ч. Академии наук», ч. I, Пг., 1915, стр. 143—146.

³⁵ И. И. Умняков, Абдулла-наме Хафиз-и-Таныша и его исследователи, — ЗКВ, т. V, 1930, стр. 316; Веселовский, Некролог о В. В. Вельяминове-Зернове, стр. 199, 201.

³⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 4, л. 77.

³⁷ Сохранилась переписка между ними. Четыре письма Вельяминова-Зернова к Дорну хранятся в ЛО ААН, ф. 776, оп. 2, № 41.

³⁸ Веселовский, Некролог о В. В. Вельяминове-Зернове, стр. 201.

³⁹ В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. 1—3, СПб., 1863—1866 (ТВОРАО, ч. IX—XI); его же, Монеты бухарские и хивинские, — ТВОРАО, т. IV, 1859, стр. 328—456.

истории курдов — «Шараф-наме» Шараф-хана ибн Шамс ад-дина Бидлиси Вельяминов-Зернов был избран экстраординарным академиком⁴⁰. С 1863 по 1868 г. Вельяминов-Зернов неоднократно выезжал в историко-этнографические экспедиции. Экспедиционные работы велись им в непосредственной связи с осуществлявшимся изданием его капитального труда «Исследование о Касимовских царях и царевичах» и с подготовкой им джагатайско-турецкого словаря⁴¹. В исследовании о касимовских царях Вельяминов-Зернов широко привлекал как русские источники, так и источники на восточных языках.

Использование материала тюркских ярлыков и надписей сопровождалось большой работой по выяснению терминов, сохраняющей и поныне научное значение для лингвистов, занимающихся изучением лексики и терминологии тюркских языков в историческом плане. В этом исследовании Вельяминов-Зернов ввел в научный обиход сочинение «Тарих-и Рашиди» Мухаммад-Хайдара Дуглата, обширные выдержки из которого приводятся во второй части «Исследования». Он обратил внимание и на некоторые другие мало использованные и неиспользованные еще востоковедами письменные источники, в частности на сочинение «Тарих-и Хайдари» автора XVI в. Хайдара Рази⁴². «Исследование о Касимовских царях и царевичах» охватывает большой хронологический период, имеет значение не только для истории восточной части Европейской России и татар, но также и для истории Казахстана и Средней Азии и прочно занимает место в ряду лучших исторических трудов, написанных русскими востоковедами⁴³.

Вельяминов-Зернов оставил еще ряд трудов, так или иначе связанных с историей народов Востока, вошедших в состав России. Некоторые из его работ посвящены исследованию источников⁴⁴. Его методика, основанная на критическом сопоставлении русских и восточных источников, очень плодотворна. К сожалению, в последующих работах по истории соседних с Россией народов Востока позднего средневековья и нового времени такой исследовательский подход не применялся столь полно и систематично, как Вельяминовым-

⁴⁰ См.: Е. И. Васильева, Предисловие к переводу: Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси, Шараф-наме, т. I, М., 1967, стр. 22, 23.

⁴¹ См. ТААН, вып. 4, стр. 227.

⁴² Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. 2, стр. 271.

⁴³ Труд этот сразу же был высоко оценен в России и в Западной Европе. Через год после завершения русского издания был опубликован его немецкий перевод.

⁴⁴ В. В. Вельяминов-Зернов, Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями, СПб., 1864.

Зерновым⁴⁵. С 70-х годов Вельяминов-Зернов отошел от активной научной деятельности в АН.

После Дорна среди руководителей АМ преобладали ученые, исследовательские интересы которых были направлены преимущественно в область лингвистики (Радлов, особенно Залеман). Историческими исследованиями и работой над историческими источниками из ученых старшего поколения до конца XIX в. в АМ занимался Тизенгаузен, а из ученых нового поколения с 80-х годов — Розен, его ученики и востоковеды его школы. В Петербургском университете преемником В. В. Григорьева по кафедре истории Востока был его ученик Н. И. Веселовский, читавший курсы по истории Средней Азии, Восточного Туркестана, кочевых народов Северо-Восточной Азии. Веселовский разрабатывал и издавал восточные и русские источники, опубликовал ряд трудов по истории русского востоковедения, занимался археологией Южной России и Средней Азии, вел раскопки курганов (в частности, знаменитых курганов Солоха и Майкопского) и самаркандского городища Афрасиаб, подготовил издание альбома мечетей Самарканда⁴⁶.

Поскольку Веселовский сравнительно мало был связан с АМ и его научная деятельность относится прежде всего к Петербургскому университету, а в области археологии — к РАО, ограничимся здесь приведенным кратким перечислением основных направлений его научной деятельности. Важно отметить, однако, линию научной преемственности в тематике и отчасти в постановке научных задач, которая ведет от Григорьева через Веселовского к Бартольд.

Будучи студентом ФВЯ Петербургского университета, Бартольд слушал читавшиеся Веселовским курсы по истории Средней Азии и обзор европейских путешествий на Восток, при изложении которого приводились сведения по географии Азии и характеризовались исторические источники⁴⁷. Бартольд уже в студенческие годы избрал историю Средней

⁴⁵ Ценных результатов при изучении ряда вопросов путем сопоставления русских и восточных источников добились в наше время многие ученые, исследовавшие историю Ближнего и Среднего Востока, Закавказья и Средней Азии: А. А. Семенов, А. Ю. Якубовский, Н. Д. Миклухо-Маклай, И. П. Петрушевский, Ю. В. Ганковский, М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян и др.

⁴⁶ Биографические данные о Веселовском и список его трудов см. в статьях, опубликованных в ЗВОРАО (т. 25, 1921, стр. 337—398). Под его редакцией издан альбом «Мечети Самарканда», вып. 1, СПб., 1905.

⁴⁷ Курсы лекций по истории Востока, читанные Веселовским (в них более всего внимания уделялось Средней Азии), несколько раз публиковались; в подготовке одного из изданий принял участие Бартольд: «Лекции по истории Востока, читанные профессором Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовским». Просмотрены В. В. Бартольдом (Кружок ориенталистов при Восточн. факультете Санкт-Петербургского университета, 1910), СПб., 1910.

Азии основной своей специальностью и был ей верен всю свою жизнь. Обращаясь к этой тематике, Бартольд продолжал дело своих предшественников — Веселовского и Григорьева, но на иной, новой основе, овладев всеми достижениями в востоковедении, достигнутыми в результате развития иранистики, арабистики и тюркологии⁴⁸. При характеристике научного направления Григорьева Бартольд отмечал его «стремление к синтезу», к историческим обобщениям. И хотя Бартольд полагал, что во времена Григорьева «стремление к синтезу» было в целом еще преждевременным, тем не менее он высоко оценивал дарования Григорьева как историка, а также его смелые, хотя и далеко не всегда обоснованные выводы и гипотезы, а также воздавал должное заслугам его школы. Себя же Бартольд причислял к другой школе, к «новому направлению» в востоковедении, главой которой в России был В. Р. Розен, и не считал себя последователем Григорьева (во всяком случае, в той мере, в какой являлся Веселовский)⁴⁹.

В. Р. Розен как арабист постоянно включал в обширный круг своих научных интересов исследовательскую работу в области истории и истории культуры, изучения арабо-византийских отношений, сведений арабских источников по истории России. Возглавляя русское востоковедение в целом как выдающийся организатор и педагог, он воспитал многих ученых, прославивших русскую науку, и поставил перед ними исследовательские задачи, в числе которых были «собрание и объяснение арабских известий о Средней Азии» и изучение ислама и его истории, которое он считал «настоящей и благодарнейшей задачей» историка-арабиста⁵⁰. В статье, посвященной анализу исследовательских приемов Розена, А. Ю. Якубовский проанализировал применявшиеся Розеном методы критики источников и охарактеризовал его как выдающегося историка, который «умел и любил ставить большие и ответственные в научном отношении проблемы»⁵¹. Один из выводов Якубовского в этой историографической статье касается значения наследия Розена для истории Востока: «Многие мысли этого ученого способны и в наши дни направлять работу как

⁴⁸ Эти результаты были достигнуты в связи с «поворотом в сторону специализации», наметившимся в востоковедении, как считал Бартольд, в 60-х годах XIX в. (см.: В. Бартольд, Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки, — ЗВРАО, т. 25, 1921, стр. 354).

⁴⁹ Там же, стр. 339—343, 354, 355.

⁵⁰ В. В. Бартольд, Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм, — Приложение к XVIII т. ЗВРАО. Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании Отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В. Р. Розена, СПб., 1909, стр. 34, 36.

⁵¹ А. Ю. Якубовский, Розен как историк, — сб. «Памяти академика В. Р. Розена», М.—Л., 1947, стр. 34.

постановкой вопроса, так и оригинальным взглядом, помогающим понять то или иное явление, казавшееся до этого неясным»⁵².

В 80-х годах XIX в. ФВЯ Петербургского университета и АМ настолько сближаются и дополняют друг друга в научно-исследовательской деятельности, что с этого времени есть основания говорить о едином петербургском центре научного востоковедения; одни и те же крупнейшие ученые-востоковеды работали (как правило) в университете и в АН. Розен был адъюнктом АН с 1879 до 1882 г., затем с 1890 г. — вновь в АН, в университете он профессор с 1883 г., с 1885 г. — возглавлял Восточное отделение РАО и сумел сплотить силы исследователей Востока вокруг руководимого им печатного органа — ЗВОРАО⁵³. Многие востоковеды, группирувавшиеся вокруг Розена и ЗВОРАО, были, как и он сам, одновременно и филологами и историками, работали на кафедрах словесности ФВЯ, в то же время вели исследовательскую работу в области истории и нередко читали курсы по истории отдельных стран Востока. Из учеников Розена значительный вклад в изучение средневековой истории арабских стран внес Н. А. Медников, профессор кафедры арабской словесности ФВЯ, своим фундаментальным трудом по истории Палестины VII—XI вв., в котором исследованы данные весьма обширного круга источников о Палестине и соседних с нею странах — Ливане, Сирии и отчасти Египте⁵⁴.

Иранист В. А. Жуковский — ученик В. Р. Розена — наряду с исследованиями в области персидского языка, диалектологии и литературоведения занимался изучением многих вопросов истории и истории культуры Ирана (в частности, идеологией суфизма и бабидами)⁵⁵. Труд Жуковского «Развалины Старого Мерва» был первым в русском востоковедении исследованием, в котором планомерно и систематично, по возможности с исчерпывающей полнотой разработаны данные средневековых арабских и персидских источников об одном из городов Средней Азии⁵⁶. Монография Жуковского стала настольной книгой для археологов, работавших в Мервском (Марыйском) оазисе, и послужила образцом для последующих историко-географических исследований, прежде всего по истории среднеазиатских городов. Существует непо-

⁵² Там же, стр. 37.

⁵³ Кононов, Восточный факультет ЛГУ, стр. 13, 14.

⁵⁴ Н. А. Медников, Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам, т. I. Исследование, СПб., 1903; т. II, ч. 1—3, Приложения, СПб., 1897 («Православный Палестинский сборник», вып. 50, 1—2).

⁵⁵ В. А. Жуковский был обязан своими знаниями в основном В. Р. Розену (см. Крачковский, Очерки, стр. 102).

⁵⁶ В. А. Жуковский, Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва, СПб., 1894 (МАР, вып. 16).

средственная преемственность между работой В. А. Жуковского о Мерве и частью труда В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», посвященного вопросам исторической географии. Эта преемственность прослеживается в приемах обработки и критического использования однородного по характеру материала⁵⁷. К более отдаленным предшественникам В. В. Бартольда в его работах по исторической географии Средней Азии относятся Н. В. Ханыков и П. И. Лерх⁵⁸, отчетливо представлявшие себе необходимость изучения средневековых письменных источников для изысканий по исторической географии и топографии Средней Азии и сделавшие первые шаги в этом направлении⁵⁹.

Ограничиваясь приведенными замечаниями, мы не останавливаемся здесь на изложении данных о жизни и деятельности В. В. Бартольда, довольно полно освещенных в литературе, к которой и отсылаем читателя⁶⁰.

Деятельность В. В. Бартольда в ее основных направлениях получила широкий размах уже после Октябрьской революции и была продолжена работавшими в ИВ историками и филологами.

Великий Октябрь стал знаменательной вехой в истории русского востоковедения. Государственное и культурное строительство, развернувшееся в ранее отсталых национальных районах России, а также бурно развивавшееся национально-освободительное движение в странах пробудившегося Востока выдвинули новые задачи перед советским востоковедением и поставили его в первый ряд гуманитарных наук.

В изучении стран Ближнего и Среднего Востока в ИВ главная роль принадлежала Среднеазиатскому и Иранскому кабинетам. Так, силами их коллективов выполнялись большие работы по изданию текстов и переводов.

В течение 30-х годов в ИВ было издано несколько сборников материалов по истории тюркоязычных народов советского Востока. Первым из них был сборник материалов по истории каракалпаков, в составлении которого приняли участие акад. А. Н. Самойлович, П. П. Иванов, Н. Н. Пальмов и А. И. Пономарев, входившие в состав группы ученых,

⁵⁷ О. И. Смирнова, Место труда В. А. Жуковского «Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва» в истории среднеазиатских городов, — ОИРВ, V, стр. 58.

⁵⁸ П. Лерх, Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб., 1870, стр. 5—39 (примечания и приложения).

⁵⁹ Мысль заняться арабскими источниками специально для истории Средней Азии была впервые подана В. В. Бартольду Д. А. Хвольсоном (см.: Крачковский, Очерки, стр. 92).

⁶⁰ См. прежде всего в Сочинениях Бартольда, особенно в т. I; перечень основной литературы о жизни и деятельности В. В. Бартольда см. в кн.: Лунины, Средняя Азия, стр. 364, прим. 876—889.

созданной при ИВ для исследования истории каракалпаков⁶¹.

Создание следующих двух сборников материалов по истории туркмен и Туркмении и по истории Золотой Орды⁶² было связано прежде всего с деятельностью Среднеазиатского кабинета. Этот кабинет, немногочисленный по составу научных сотрудников (7 человек), был научным центром, вокруг которого объединялись исследователи, занимавшиеся историей, языками и литературами народов Средней Азии. Исследовательская работа велась по двум секциям: тюркологической и таджикской⁶³.

Как видно из первого производственного плана кабинета, в 1935 г. в нем велись широкие исследования по истории раннефеодального периода Средней Азии и Арабского халифата (А. Ю. Якубовский), по источникам позднефеодальной Средней Азии (А. Н. Самойлович и П. П. Иванов)⁶⁴. Темой, в выполнении которой принимали участие все сотрудники кабинета, была подготовка «Материалов по истории Туркмении»⁶⁵. В дальнейшем историей Средней Азии в этом кабинете кроме А. Ю. Якубовского и П. П. Иванова занимались С. Л. Волин и Д. И. Тихонов (последний — историей уйгуров)⁶⁶.

Успеху работы Среднеазиатского кабинета в значительной мере способствовало то, что он смог объединить для научно-исследовательской деятельности силы многих интересовавшихся изучением Средней Азии специалистов и энтузиастов. В деятельности кабинета принимали активное участие многие люди, не входившие в его штат. Особенно большое значение имело привлечение исследователей смежных специальностей.

В составление упомянутого выше сборника материалов по истории каракалпаков наряду с историком П. П. Ивановым много кропотливого труда вложил А. И. Пономарев, подобравший напечатанную в сборнике библиографию и выполнивший совместно с Н. Н. Пальмовым большую работу по извлечению сведений, относящихся к каракалпакам, из печатных и рукописных русских источников. Впоследствии, до конца своей жизни, А. И. Пономарев постоянно участвовал в иссле-

⁶¹ «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935 (ТИВАН, т. VII); ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1932), № 13.

⁶² МИТТ, I—II, СМЗО, II.

⁶³ А. Н. Кононов, Тюркология в Ленинграде (1917—1957), — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 285, 286.

⁶⁴ В план была включена также работа аспирантки З. Д. Кастельской об экономических предпосылках узбекского крестьянского движения в 1916 г. (по теме диссертации) (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 37). Кандидатская диссертация была защищена летом 1935 г. в Ленинграде и издана в 1937 г. в Ташкенте как часть монографии «Восстание 1916 г. в Узбекистане».

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ См.: А. Н. Кононов, Тюркология в Ленинграде, стр. 286.

довательской работе кабинета. По должности он работал в ИВ бухгалтером, но по образованию и по призванию был историком-востоковедом; в 1924 г. он окончил ЛИЖВЯ по турецкому разряду со специализацией по Средней Азии и, хотя в дальнейшем жизненные обстоятельства не благоприятствовали его научным занятиям, опубликовал несколько серьезных и интересных исследований⁶⁷.

Объединения сил многих специалистов потребовала также подготовка «Материалов по истории туркмен и Туркмении». В редактировании т. I этого сборника, содержащего извлечение (в русском переводе) сведений из арабских и персидских источников VII—XV вв., приняли участие С. Л. Волин, А. А. Ромаскевич и А. Ю. Якубовский. В качестве переводчиков к работе над этим томом, ставшим настольной книгой историков, были привлечены В. И. Беляев, Г. В. Птицын, О. И. Смирнова и другие; несколько специалистов работали над составлением примечаний, в их числе А. М. Беленицкий. Издание «Материалов» сыграло большую роль в расширении и углублении знаний по истории не только туркмен и Туркмении, но и соседних народов.

В подготовке другого важного свода исторических сведений из персидских источников по истории Золотой Орды очень большую работу выполнил С. Л. Волин, работавший в ИВ в 1937—1941 гг.⁶⁸ Материалы для этого сборника были собраны еще в 80-х годах прошлого века В. Г. Тизенгаузен, но оставались неопубликованными и не подготовленными к печати. Доработка извлечений и перевод части текстов, оставшихся непереведенными, были выполнены С. Л. Волиным; он же написал введения к переводам, содержащие характеристики источников и рукописей; составил пояснения к терминам и географическим названиям. С. Л. Волин усердно работал над арабскими и персидскими источниками по истории Средней Азии преимущественно раннефеодального периода и опубликовал несколько исследований, вводящих в научный обиход новый материал (некоторые его работы были изданы посмертно)⁶⁹.

⁶⁷ Биографические сведения о нем см. в ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 481. Из его работ кроме упомянутого раздела «Печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке» в сборнике материалов по истории каракалпаков следует отметить еще: А. И. Пономарев, Куманполовцы, — ВДИ, 1940, стр. 366—370; его же, Поправка к чтению «Надписи Тимура», — СВ, т. III, 1945, стр. 222—224.

⁶⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 131.

⁶⁹ С. Волин, К истории древнего Хорезма, — ВДИ, 1941, № 4, стр. 192—196; его же, К истории среднеазиатских арабов, — «Труды второй сессии ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г.» (ТИВАН, т. XXXVI, 1941), стр. 111—126; его же, Новый источник для изучения хорезмийского языка, — ЗИВАН, т. VII, 1939, стр. 79—91; его же, Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах, — «Новые материалы по древней и средневековой истории Казах-

Крупнейшей коллективной работой, предпринятой Иранским кабинетом ИВ, была подготовка критического текста и перевода сочинения Рашид ад-дина «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»). Вопрос об организации этой работы был поставлен в кабинете в 1936 г., вызвал одобрение и поддержку со стороны Среднеазиатского, Монгольского и Кавказского кабинетов⁷⁰. Работа вследствие больших масштабов и сложности предстоявших задач выходила за пределы возможностей одного кабинета и рассматривалась как общеполитическое дело. Была создана редколлегия: Е. Э. Бертельс, А. А. Ромаскевич, А. Н. Самойлович, И. Ю. Крачковский, И. А. Орбели, А. А. Фрейман, А. Ю. Якубовский и др.

Главные трудности стояли перед составителями критического текста. В основу должны были быть положены самые ранние и лучшие рукописи, но одной из них — стамбульской, переписанной в 1317 г., т. е. при жизни самого Рашид ад-дина, еще не было при начале работы. Фотокопия этой рукописи была выписана дирекцией ИВ, после чего в руках составителей оказались лучшие рукописи из собраний СССР и зарубежных⁷¹. Работа продолжалась на надежной основе, но была очень трудоемкой, так как привлеченные рукописи (семь) изобиловали разночтениями. Однако это была благодарная работа — в результате ее был получен впервые надежный текст важного источника, сочинения, представляющего первую попытку создать всемирную историю стран и народов от Атлантического до Тихого океана.

С самого начала деятельности коллектива по подготовке «Сборника летописей» Рашид ад-дина к переводу был привлечен А. К. Арендс, а редактирование текста было поручено А. А. Ромаскевичу⁷². В составлении критического текста и в качестве переводчиков участвовали А. А. Али-заде, Ю. П. Верховский, О. И. Смирнова, Л. А. Хетагуров.

К изданию были привлечены лучшие специалисты по истории Среднего и Ближнего Востока и Средней Азии — А. А. Семенов, А. Ю. Якубовский и И. П. Петрушевский, к редактированию (т. III) — выдающийся иранист Е. Э. Бертельс, а при составлении примечаний большую пользу прине-

стана», Алма-Ата, 1960 (ТИИАЭ АН КазССР, т. 8). Кроме того, С. Л. Волиным в результате длительной работы по разбору, описанию и исследованию архива В. В. Бартольда (ЛО ААН, ф. 68) было подготовлено к печати краткое описание этого архива. Оно было уже набрано, но осталось неопубликованным (сохранились лишь гранки) в связи с началом войны. Впоследствии краткий обзор фонда В. В. Бартольда был издан (ТААН, вып. 1 и 5, М.—Л., 1946, стр. 225—228), однако без упоминания имени С. Л. Волина.

⁷⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 19.

⁷¹ Характеристику рукописей см. в предисловии А. А. Ромаскевича к т. III критического текста «Джами ат-таварих», Баку, 1957, стр. 7—14.

⁷² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 19.

сло участие Б. И. Панкротова, знатока монгольского и китайского языков и исторических источников на этих языках⁷³. В итоге многолетнего труда был выполнен самый полный русский перевод «Сборника летописей».

Осуществление этого издания было шагом вперед по пути дальнейшего изучения и более широкого использования данных, содержащихся в одном из главных источников по истории Среднего Востока, Средней и Центральной Азии, Кавказа, Поволжья и Восточной Европы эпохи монгольского нашествия и последовавших за ним событий. К сожалению, критический текст, необходимый для исследовательской работы по этому источнику, опубликован только частично⁷⁴ и неизвестная его часть остается недоступной для широкого использования историками народов СССР и зарубежного Востока.

Кроме подготовки критического текста и перевода «Собрания летописей» Рашид ад-дина в Иранском кабинете в 30-е годы проводилась работа еще над одним источником, очень важным для изучения социально-экономической истории Средней Азии позднефеодального периода, — документами джуйбарских шейхов. Благодаря исследованию и публикации текста и русского перевода этих документов, подготовленных Ф. Б. Ростопчиным, в научный обиход был введен материал, позволяющий характеризовать устройство и хозяйственную жизнь крупного комплекса феодальных поместий XVI—XVII вв. в Средней Азии⁷⁵. Русский перевод этих документов предполагалось издать как т. II материалов из архива джуйбарских шейхов. Однако в связи с началом Великой Отечественной войны опубликование перевода задержалось надолго и было осуществлено только в 1954 г., когда он был (после дополнительного редактирования Ю. П. Верховским) напечатан в одной книге с исследованием П. П. Иванова⁷⁶. Ф. Б. Ростопчин в 1931—1935 гг. был сотрудником ИВ⁷⁷.

⁷³ См.: Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952; т. I, кн. 2, М.—Л., 1952; т. II, М.—Л., 1960; т. III, М.—Л., 1946.

⁷⁴ Фазлуллах Рашид ад-дин, Джами ат-таварих (Сборник летописей), т. III. Составитель научно-критического текста на персидском языке А. А. Али-заде. Перевод с персидского языка А. К. Арендса, Баку, 1957; Фазлаллах Рашид ад-дин, Джами ат-таварих, т. I, ч. 1. Критический текст А. А. Ромаскевича, Л. А. Хетагурова, А. А. Али-заде, М., 1965.

⁷⁵ Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии в XVI в., М.—Л., 1938.

⁷⁶ П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., 1954; в этой книге, после опубликованного посмертно исследования П. П. Иванова, напечатаны переводы документов; в предисловии (от редакции) указано только, что переводы эти были выполнены «еще в 1937 г. коллективом научных сотрудников Института востоковедения Академии наук СССР» (стр. 4); о том, что перевод выполнялся Ф. Б. Ростопчиным, см.: ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 514.

⁷⁷ Там же.

В течение длительного времени он под повседневным руководством Е. Э. Бертельса работал над переводом документов из архива джуйбарских шейхов: его успехи в выполнении этой работы были отмечены С. Ф. Ольденбургом⁷⁸. Ф. Б. Ростопчину было поручено также сделать перевод «Шараф-наме», основного источника по средневековой истории курдов⁷⁹.

Из важных для истории и истории культуры исследований персидско-таджикских памятников письменности, проводившихся в 30-х годах сотрудниками Иранского кабинета, следует отметить труды ираниста-литературоведа А. Н. Болдырева над мемуарами Зайн ад-дина Васифи и над «Тарих-и Бадахшан». Исследуя мемуары как литературный и историко-культурный памятник, А. Н. Болдырев опубликовал работу о нем⁸⁰. Он изучал также историческое сочинение «Тарих-и Бадахшан», содержащее описание событий, происходивших в Бадахшане с конца XVII до начала XX в., обстоятельно проанализировал его и сделал полный перевод (отредактированный в рукописи Е. Э. Бертельсом) с историко-филологическими комментариями. Впоследствии А. Н. Болдырев издал текст (факсимиле) этого редкого и ценного источника по локальной истории со своей вступительной статьей. Перевод, к сожалению, остался неопубликованным.

В области исторических исследований работа в Иранском кабинете велась в основном в плане приближения к современности и изучения новой и новейшей истории Ирана, проблем истории социально-экономических отношений, классовый борьбы, бабидского движения, иранской революции 1905—1911 гг. и т. п. Над этими проблемами работали несколько историков нового поколения, овладевавших марксистской методологией и стремившихся применять ее в своих исторических исследованиях. В этом новом деле не обошлось без недостатков, особенно на первых порах, одним из которых был социологический схематизм и поспешность в выводах, не всегда подкрепленных всесторонним изучением материала.

Изучением истории бабидского движения, исследование которого имело традицию еще в старом русском востоковедении, занимался М. С. Иванов⁸¹, окончивший ЛИЛИ и работавший в ИВ с 1937 по 1940 г.⁸². В отличие от прежних

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ См.: Е. И. Васильева, Предисловие к «Шараф-наме», т. I, стр. 23; Ф. Б. Ростопчин занимался изучением курдов, и среди его опубликованных работ есть несколько статей, посвященных им.

⁸⁰ А. Н. Болдырев, Мемуары Зайн ад-дина Васифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI вв., — ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 203—274.

⁸¹ М. С. Иванов, Бабидские восстание в Иране 1848—1852 гг., М.—Л., 1939.

⁸² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 258.

русских исследователей, изучавших бабизм (им занимались еще А. Казем-Бек и В. Р. Розен), М. С. Иванов подошел к идеологии бабидов и к анализу их восстаний как историк, стремясь выявить социальную основу явлений. Затем М. С. Иванов работал в ИВ над собиранием материалов по истории иранской революции 1905—1911 гг.⁸³ Впоследствии он издал обширную монографию, посвященную истории этой революции, а также опубликовал сводную работу «Очерк истории Ирана»⁸⁴.

Новой историей Ирана и вопросами иранской революции 1905—1911 гг. занимались также Г. В. Шитов и Г. М. Петров. Г. В. Шитов в 1930—1932 гг. проходил аспирантуру в ИВ по истории Ирана, а потом работал в ИВ в 1932—1936 и 1956—1965 гг. В 1933 г. он опубликовал книгу «Персия под властью последних Каджаров»⁸⁵, одну из первых крупных работ по истории иранской революции. В книге довольно подробно рассматривались социально-экономические условия и политическая обстановка в Иране перед началом революции. Главное место было уделено изложению политических событий революционных лет, причем автор старался показать участие в них различных классов иранского общества на разных этапах революции и объяснить причины, приостановившие дальнейшее развитие революции.

Г. М. Петров работал в ИВ с 1936 до 1951 г.⁸⁶, занимаясь изучением экономики Ирана, истории революционного движения и русско-иранских отношений⁸⁷.

Экономику Ирана, аграрные отношения, промышленность, рабочее и профсоюзное движение, а также новую историю и национально-колониальные проблемы изучал А. В. Башкиров, окончивший ЛВИ и работавший в ИВ с 1936 г. до марта 1945 г.⁸⁸ Впоследствии, продолжая работать над вопросами того же круга, Башкиров опубликовал книги о рабочем и профсоюзном движении в Иране и об империалистической экспансии в Иран⁸⁹.

⁸³ Там же, л. 22.

⁸⁴ М. С. Иванов, Иранская революция 1905—1911, М., 1957; его же, Очерки истории Ирана, М., 1952. М. С. Иванову принадлежат также главы в учебниках и учебных пособиях для высших учебных заведений, посвященные новой и новейшей истории Ирана. Систематическое изложение новой истории Ирана дано им, в частности, в учебном пособии «Новая история стран зарубежной Азии и Африки», Л., 1959, стр. 168—188, 481—505 (со сведениями по историографии).

⁸⁵ Г. В. Шитов, Персия под властью последних Каджаров, Л., 1933.

⁸⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 463.

⁸⁷ Об основных работах Г. М. Петрова см.: НАА, 1962, № 2, стр. 259—260.

⁸⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 70.

⁸⁹ А. В. Башкиров, Рабочее и профсоюзное движение в Иране, М., 1948; его же, Экспансия английских и американских империалистов в Иране, М., 1954.

Заведующий Иранским кабинетом Е. Э. Бертельс наряду со многими вопросами иранистики, исследованием которых он постоянно занимался, с начала 30-х годов также включился в изучение современного Востока, избрав новым полем своей научной деятельности афганистику. Плодами его занятий афганским языком (пашто) были работы о кандахарском наречии и о строе этого языка. Интерес, проявлявшийся Е. Э. Бертельсом к изучению Афганистана, отразился в опубликованных им в 1932—1934 гг. рецензиях на книги по истории и этнографии этой страны⁹⁰. Наконец, Бертельс издал небольшую, но очень содержательную работу об афганской прессе⁹¹, первое в нашей науке исследование одной из важных сторон культуры современного Афганистана.

Возвращаясь к характеристике исследовательской работы, проводившейся в 30-х годах в Среднеазиатском кабинете, отметим, что здесь в основном сохранялись традиционные хронологические рамки — занимались преимущественно средневековой тематикой. В кабинете работал (докторант ИВ с конца 1935 г.) археолог А. Н. Бернштам, исследователь памятников материальной культуры Тянь-Шаня, Памира и других тогда еще труднодоступных районов Средней Азии. Его интерпретация материала, полученного в археологических экспедициях, постоянно сопровождалась изучением письменных источников. Будучи в докторантуре ИВ, он занимался уйгурским и китайским языками⁹².

Свою наиболее значительную работу в 30-х годах А. Н. Бернштам посвятил исследованию структуры общества в Тюркском каганате, применяя марксистско-ленинское учение к объяснению ранних этапов истории тюркских народов и пытаясь проследить динамику социально-экономической жизни тюркских племен VI—VIII вв.⁹³ Из письменных источников, использованных им в этой работе, основными были древнетюркские рунические тексты.

Главные выводы, сделанные А. Н. Бернштамом в этой работе, близки к заключениям, к которым пришли советские исследователи раннесредневековой истории смежных больших областей (С. В. Киселев, С. П. Толстов), также обратившие внимание преимущественно на социальный аспект проблематики. Все они дали совершенно новое объяснение характера древнетюркского общества и истории первых тюркских государств, связывая их прежде всего с перераста-

⁹⁰ См.: «Библиография Афганистана. Литература на русском языке». Составитель Т. И. Кухтина, стр. 210, №№ 5654—5657.

⁹¹ Е. Э. Бертельс, Афганская пресса, — БВ, вып. 5—6, 1936, стр. 9—26.

⁹² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 80.

⁹³ А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VII веков, М.—Л., 1946.

нием военно-демократического и патриархально-рабовладельческого укладов в систему раннефеодальных отношений. Были приведены исторические и этнографические данные, показывающие, что эти процессы происходили в неразрывной связи с социально-экономическим развитием земледельческих центров Средней и Центральной Азии, что и в степи и в оазисах шла ожесточенная классовая борьба.

Важнейшие проблемы социально-экономической истории средневекового Востока были подняты и в значительной мере решены в трудах А. Ю. Якубовского и П. П. Иванова для периодов, по которым есть возможность привлечь гораздо больший материал письменных источников. Оба они были историками Средней Азии. Однако А. Ю. Якубовский занимался очень большим кругом стран Среднего и Ближнего Востока. Он одним из первых глубоко изучал социально-экономические проблемы истории арабского халифата по первоисточникам (в работах по Ираку)⁹⁴.

П. П. Иванов изучал среднеазиатские материалы, впервые используя документальные данные о позднефеодальном хозяйстве типа поместья (исследование о джуйбарских шейхах), установил его сущность и особенности, что важно и для стран зарубежного мусульманского Востока.

А. Ю. Якубовский был сотрудником ИВ в 1933—1938 гг., а затем с 1942 г. в эвакуации в Ташкенте руководил Среднеазиатским кабинетом. В научной жизни ИВ Якубовский постоянно принимал самое живое участие и бесценно считался «основным руководителем работ, связанных со Средней Азией»⁹⁵.

Якубовский, всегда откликаясь на запросы советской науки, посвятил специальные исследования народным движениям в средневековой Средней Азии, занимался вопросами изучения этногенеза узбеков, туркмен, киргизов, казахов, проблемой периодизации истории Средней Азии эпохи феодализма и рядом других проблем⁹⁶.

Работая в течение многих лет в ГАИМК, а также в Эрмитаже, Якубовский показал себя одновременно и тонким исследователем письменных источников и археологом, привлекаяшим наравне с данными письменных источников и па-

⁹⁴ А. Ю. Якубовский, Ирак на грани VIII—IX вв. (черты социального строя халифата при Аббасидах), — ТИВАН, вып. XXIV, 1937, стр. 25—49; его же, Об исполных арендах в Ираке в VIII в., — СВ, т. IV, 1947, стр. 171—184.

⁹⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 708.

⁹⁶ Некоторые важнейшие работы А. Ю. Якубовского на эти темы: «Восстание Тараби в 1238 г. К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии» (ТИВАН, т. XVII, 1936, стр. 101—135); «Восстание Муканны — движение людей в „белых одеждах“» (СВ, т. V, 1948, стр. 35—54); «Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.)» (КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 30—43).

мятники материальной культуры. Якубовский был активным участником и организатором ряда экспедиций в Среднюю Азию, из которых широко известны экспедиции в Пенджикент, открывшие замечательные памятники изобразительного искусства⁹⁷.

Якубовского постоянно привлекала история русского востоковедения, и его исследования в этой области заслуживают большого внимания. Важное значение для историографии Среднего и Ближнего Востока имеет критическая оценка Якубовским взглядов и концепций В. В. Бартольда с точки зрения марксистской теории общественного развития⁹⁸. В последнем своем историографическом исследовании, опубликованном посмертно, Якубовский дал обзор изучения монголов XI—XIII вв. западноевропейской и русской дооктябрьской, а также советской наукой⁹⁹. В этой работе Якубовский касается общих проблем истории кочевников, весьма существенных для изучения прошлого многих народов Среднего и Ближнего Востока.

Одним из самых выдающихся историков, работавших с 1934 по 1942 г. в ИВ, был П. П. Иванов¹⁰⁰. В годы работы в ИВ П. П. Иванов занимался исследованием истории Средней Азии XVI—XIX вв., углубленно изучая историю хозяйства, феодальное землевладение, положение крестьян, социально-экономическую терминологию и весь комплекс проблем, выяснение которых дает ключ к пониманию сущности общественно-хозяйственного строя и его особенностей. Широту научных интересов П. П. Иванова как исследователя истории Средней Азии позднефеодального периода, которым до него никто столь глубоко не занимался, показывает тематика его работ. Наряду с социально-экономическими проблемами и историей народных движений он разрабатывал также вопросы этнической и политической (в широком значении этого слова) истории, а на ранних этапах своей научной деятельности (до поступления в ИВ) опубликовал несколько археологических и историко-географических исследований¹⁰¹.

В 1935 г. было опубликовано исследование Иванова о караалпаках. В этом исследовании тщательно проанализированы ранние упоминания о караалпаках в источниках и ги-

⁹⁷ Подробнее о деятельности Якубовского как археолога см.: «Памяти Александра Юрьевича Якубовского», — КСИИМК, вып. 61, стр. 5—7.

⁹⁸ А. Ю. Якубовский, Проблема социальной истории народов Востока в трудах В. В. Бартольда, — ВЛУ, 1947, № 12, стр. 62—79.

⁹⁹ А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв., — ОИРВ, 1, стр. 31—95.

¹⁰⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 261; А. Н. Кононов, Тюркология в Ленинграде (1917—1957), — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 283.

¹⁰¹ Данные об основных научных трудах П. П. Иванова и биографические сведения о нем см. в ст.: А. Ю. Якубовский, Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии, — СВ, т. 5, 1948, стр. 313—320.

потезы об их происхождении в связи с материалами о печенегах и ногай, а затем дан обстоятельный критический обзор более поздних сведений о каракалпаках, встречающихся в восточных и русских источниках. В 1939 г. вышла в свет его статья о политических взаимоотношениях между казахами и Кокандским ханством, основанная главным образом на данных, извлеченных из неопубликованных кокандских повествовательных источников ¹⁰².

Начало исследований Иванова по истории экономики и общественного строя Средней Азии было отражено в его статьях о среднеазиатской хозяйственной терминологии XVIII—XIX вв. и о ханских землях в Хиве середины XIX в. ¹⁰³. В первой из них П. П. Иванов рассматривает некоторые термины, относящиеся к земледелию и характеризующие социально-экономические отношения, во второй — анализирует крупное феодальное землевладение в Средней Азии на материале об «удельных землях» правившего в Хиве Сейид-Мухаммед-хана (1856—1865), заканчивая исследование выяснением вопросов об издольных арендах и о роли рабского труда на этих землях.

Первые результаты исследований по социально-экономической истории были использованы Ивановым для написания им очерка состояния Бухарского ханства в начале XIX в., служащего введением к его монографии о восстании китай-кипчаков ¹⁰⁴. Значение этой работы для историографии Средней Азии было высоко оценено в свое время ¹⁰⁵.

Подходя при дальнейшем изучении источников к решению основных проблем социально-экономической истории позднефеодальной Средней Азии и все в большей мере опираясь (наряду с нарративными источниками) на документальный материал, П. П. Иванов к началу Отечественной войны подготовил фундаментальное исследование о хозяйстве джуйбарских шейхов. В этом исследовании характеризуется устройство и хозяйственная жизнь крупного комплекса феодальных поместий середины XVI — первой половины XVII в., выявляются категории крестьян-издольщиков, опи-

¹⁰² Напечатано в сб. «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935 (ТИВАН, т. VII), стр. 9—89; П. П. И в а н о в, Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.), — ЗИВАН, т. VII, 1939, стр. 92—128.

¹⁰³ П. П. И в а н о в, Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, — ИАН СССР, ООИ, сер. VII, 1935, № 8, стр. 745—758; «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана Хивинского (1856—1865). В порядке постановки вопроса о так называемых ханских землях в Средней Азии, — ЗИВАН, т. VI, 1937, стр. 27—59.

¹⁰⁴ П. П. И в а н о в, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве. 1821—1825 (Источники и опыт их исследования), М.—Л., 1937 (ТИВАН, т. XXVIII).

¹⁰⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 261 (отзыв на работы П. П. Иванова, подписанный В. В. Струве и А. Ю. Якубовским).

сывается аппарат управления поместьями¹⁰⁶. Важным этапом в историографии Средней Азии было открытие Ивановым в 1936 г. архива хивинских ханов и осуществленное им в течение трех последующих лет описание и исследование документов этого архива. С выходом в свет в 1940 г. подготовленного им описания этих документов (с историческим введением) П. П. Иванов выдвинулся в ряды крупнейших историков-востоковедов¹⁰⁷.

Свою работу об архиве хивинских ханов Иванов защищал в качестве докторской диссертации в суровую зиму 1941/42 г. в осажденном Ленинграде. Решением Ученого совета степень доктора исторических наук была присуждена П. П. Иванову единогласно¹⁰⁸. Через несколько месяцев после защиты диссертации оставшийся в блокированном Ленинграде П. П. Иванов погиб¹⁰⁹.

После войны кроме упомянутого выше исследования Иванова о хозяйстве джуйбарских шейхов была издана (посмертно) его крупная работа — обобщающий труд по истории Средней Азии с XVI до середины XIX в., подготовленный к печати в 1941 г. и неопубликованный тогда в связи с началом войны¹¹⁰. В этом труде П. П. Иванову впервые в советской историографии удалось дать цельный очерк событий, происходивших во всех трех среднеазиатских ханствах — Бухарском, Хивинском и Кокандском, — со времени их возникновения и до завоевания царской Россией. Судьбы ханства рассматриваются в тесной связи с историей кочевых и полукочевых народов — казахов, туркмен, киргизов, каракалпаков. Глубокое исследование социально-экономических отношений в неразрывном сочетании с изучением событий политической истории и творческое применение методологии марксизма-ленинизма дали возможность автору проследить общее в ходе истории позднефеодального периода для всех народов Средней Азии и верно выделить многие особенности, свойственные развитию отдельных народов.

По некоторым частным вопросам в «Очерки» П. П. Иванова теперь, через четверть века после их написания, конечно, должны быть внесены уточнения и исправления, многое может быть дополнено и расширено, но эта его книга не

¹⁰⁶ П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., 1954; характеристику этого исследования П. П. Иванова см. в работе: И. П. Петрушевский, Деревня и крестьяне Ближнего Востока в трудах ленинградских востоковедов, — УЗИБАН, т. XXV, М., 1960, стр. 209.

¹⁰⁷ П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в. (Исследование и описание документов с историческим введением), М.—Л., 1940.

¹⁰⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 261, л. 50.

¹⁰⁹ Жононов, Тюркология в Ленинграде, стр. 283.

¹¹⁰ П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.), М., 1958.

только по праву заняла почетное место в нашей историографии, но и поныне остается незаменимым пособием как для специалистов, так и для всех читателей, интересующихся прошлым народов Средней Азии. «Очерки» П. П. Иванова показали, что и после создания сводных трудов, посвященных отдельным народам Средней Азии, опубликованных в нашей стране в течение последних десятилетий (история таджикского народа, история Узбекистана, Туркмении и т. д.), остается целесообразной и разработка истории народов Средней Азии в целом, именно в том плане, как это делал П. П. Иванов.

Значительную ценность имеет рукописное наследие П. П. Иванова. Собранные им материалы и некоторые его исследования, оставшиеся неопубликованными, хранятся в АВ¹¹¹.

Наряду с научно-исследовательской деятельностью П. П. Иванов вел большую преподавательскую работу. Он читал курс истории среднеазиатских ханств для аспирантов АН СССР и был руководителем работ по специальности группы аспирантов-узбеков¹¹². Ученики и товарищи по работе любили и уважали П. П. Иванова и сохранили о нем благодарную память.

После эвакуации ИВ в Ташкент деятельность Среднеазиатского кабинета продолжалась там. Первое научное заседание кабинета в Ташкенте состоялось 5 октября 1942 г., и первый заслушанный на нем доклад А. М. Беленицкого об официальной переписке Бухарского ханства XIX в. как историческом источнике был посвящен памяти П. П. Иванова¹¹³.

На втором заседании кабинета в Ташкенте, состоявшемся 11 октября 1942 г., с докладом «Чтение надписей Гур Эмира» выступил А. А. Семенов¹¹⁴, на третьем (2 ноября) — был заслушан совместный доклад В. М. Жирмунского и Х. Т. Заrifова «Узбекские народные сказители и их репертуар». Таким образом, с самого начала деятельности Среднеазиатского кабинета в Ташкенте в ней приняли участие как эвакуированные из Ленинграда ученые, так и исследователи, ра-

¹¹¹ Дневник с путевыми записями 1920—1921 гг., веденный в командировке в Восточной Бухаре; историко-этнографические материалы о киргизах; данные о Ташкенте и т. п.

¹¹² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 261.

¹¹³ Там же, оп. 1 (1942), № 23.

¹¹⁴ Там же. Данные о работах А. А. Семенова (до 1953 г.) см.: Д. Г. Воронковский, Библиография научных работ А. А. Семенова, — «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», Сталинабад, 1953 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XVII), стр. 7—24; дополнения к этой библиографии см.: ПВ, 1959, № 1, стр. 242, 243, там же (стр. 240—242) — биографические сведения об А. А. Семенове (некролог); перечень литературы, содержащей биографические данные об А. А. Семенове, см. в кн.: Луни н, Средняя Азия, стр. 373, прим. 1020.

ботавшие в Узбекской ССР. А. А. Семенов стал сотрудником ИВ с середины июня 1942 г. и представил отчет о своей работе в этом году по Среднеазиатскому кабинету¹¹⁵. Работа Среднеазиатского кабинета в Ташкенте продолжалась до возвращения ИВ в Ленинград.

В последующие годы масштабы научно-исследовательской деятельности кабинета были гораздо более скромными, чем прежде, но в ней продолжали принимать участие видные специалисты. Так, в 1949 г. научными сотрудниками кабинета были А. Н. Болдырев¹¹⁶ и А. Л. Троицкая, которая впоследствии, работая в Иранском кабинете, закончила и подготовила к печати большой труд (начатый во время работы в Рукописном отделе ГПБ) — «Описание архива кокандских ханов». А. Л. Троицкая работала в ИВ в 1942—1950 и 1958—1963 гг. Среди ее печатных работ, посвященных этнографии и истории Средней Азии XIX в., имеется несколько статей, написанных с использованием материала из разрабатывавшегося ею в течение многих лет архива кокандских ханов; она опубликовала также предварительный обзор этого архива¹¹⁷.

В конце 1968 г. вышел в свет «Каталог архива кокандских ханов», содержащий документы, относящиеся к 40—70-м годам XIX в. (основная масса их датируется 1866—1875 гг.). А. Л. Троицкой описано около 3800 документов, по рубрикам существовавших в Кокандском ханстве.

После того как Среднеазиатский кабинет прекратил свою деятельность, работу над источниками по истории народов Средней Азии продолжали главным образом иранисты и тюркологи. В результате издания текстов и переводов иранских и тюркских источников за последние десять лет создались возможности для более углубленного изучения различных периодов истории народов зарубежного Востока и советской Средней Азии. Из изданий тюркских источников большое значение для позднефеодального периода истории Средней Азии имеет публикация А. Н. Кононовым критического текста с переводом и комментариями сочинения Абу-л-Гази «Родословная туркмен»¹¹⁸. Благодаря этой публикации

¹¹⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1942) № 23, лл. 33, 18.

¹¹⁶ Здесь отметим лишь содержательное исследование А. Н. Болдырева по истории культуры средневекового Герата: «Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв.», — ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 313—422.

¹¹⁷ А. Л. Троицкая, Архив кокандских ханов XIX века. Предварительный обзор, — «Труды ГПБ», т. II (V), Л., 1957; е е же, Заповедники — курук кокандского хана Худояра, — сб. ГПБ, III, Л., 1955, стр. 122—156; е е же, Ганчи, чанчибаши в Кокандском ханстве (XIX в.), — кн. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 250—255.

¹¹⁸ А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского, М.—Л., 1958.

историки впервые получили основательную базу для дальнейшего исследования этого важного источника.

Для решения многих остающихся еще не выясненными проблем истории Средней Азии эпохи раннего средневековья новые возможности исследования были созданы трудами А. А. Фреймана, М. Н. Боголюбова, В. А. Лившица и О. И. Смирновой, осуществивших издание и перевод мугских документов. При изучении этих источников особенно велики заслуги В. А. Лившица. Большое значение имеет также комплексное изучение эпохи с использованием данных вспомогательных исторических дисциплин и привлечением ученых смежных специальностей. На примере работ О. И. Смирновой видно, как пути исследования столь нового материала приводят к содоголов, принимающих непосредственное участие во введении его в научный обиход, к специализации в таких областях, как нумизматика, историческая география, топонимика.

О. И. Смирнова в 1934 г. поступила на работу в ИВ как иранист-филолог. В 1945 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Согдийский нумизматический материал как источник по истории Средней Азии доисламского периода». В 1935—1937 гг. О. И. Смирнова принимала участие в работе над подготовляемым А. А. Фрейманом согдийским словарем. Согдийской нумизматикой О. И. Смирнова занялась с 1936 г. Она приняла также участие в согдо-таджикской комплексной экспедиции (раскопки в Пенджикенте) и опубликовала несколько статей по исторической географии. Первые работы О. И. Смирновой, опубликованные в 1938—1939 гг., были посвящены согдийским монетам и содержали новые данные по истории Согда VIII в. В дальнейшем ею был опубликован ряд работ по нумизматике и издан каталог монет с городища Пенджикент, значительная часть находок на котором состояла из согдийских монет¹¹⁹. Она опубликовала также несколько статей о титулатуре согдийских правителей и по вопросам исторической географии верховьев Зеравшана, а также исследование о сочинении Табари Балами как источнике для изучения экономических ресурсов Согда¹²⁰. Ей принадлежат также статьи по вопросам политической истории Средней Азии времени арабского завоевания, в основу которых положен материал, извлеченный из арабских

¹¹⁹ О. И. Смирнова, Новые данные по истории Согда VIII в., — ВДИ, 1939, № 4, стр. 97—102; ее же, Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.), М., 1963.

¹²⁰ О. И. Смирнова, Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зеравшана, — «Труды СТАЭ», т. 1, 1946—1947 (МИА, № 15), 1950, стр. 56—66; ее же, Карта верховьев Зеравшана по данным мугских документов, М., 1960 (XXV МКВ); ее же, Труд Табари-Бел'ами как источник для изучения экономических ресурсов Согда, — МПВНКВ, стр. 947—952.

письменных источников¹²¹. О. И. Смирнова сдала в печать работу «Очерки по истории Согда» и подготовила сводный каталог согдийских монет.

Изучением во многом еще неясного переходного периода от древней к феодальной Средней Азии занимается историк-тюрколог С. Г. Кляшторный, внося своими работами, основанными прежде всего на древнетюркских рунических текстах, полезный вклад в изучение тюрко-согдийских взаимосвязей и тем самым в общее большое дело восстановления исторической картины этого периода, новый свет на которую проливают документы с горы Муг¹²². С. Г. Кляшторный работает в ЛО ИВ с 1957 г.; в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии», которая послужила основой для монографии, опубликованной под тем же названием (М., 1964). Кроме того, С. Г. Кляшторный, занимаясь в течение ряда лет отдельными аспектами тюрко-согдийской темы, опубликовал результаты своих исследований в нескольких статьях и заметках¹²³. С. Г. Кляшторный с 1964 г. заведует Тюрко-монгольским кабинетом.

Над некоторыми тюркскими источниками по истории позднефеодальной Средней Азии работала сотрудник Иранского кабинета М. А. Салахетдинова, опубликовавшая русские переводы (со своими комментариями) извлечений из тюркских и персидско-таджикских источников, содержащих сведения по истории киргизов, а также несколько статей и заметок о неизвестных и малоизвестных источниках¹²⁴. М. А. Салахетдинова работает в ЛО ИВ с 1954 г., а в 1955 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Об артикле в современном персидском языке».

В Иранском кабинете была завершена большая коллективная работа по созданию сборника переводов извлечений

¹²¹ О. И. Смирнова, Из истории арабских завоеваний в Средней Азии, — СВ, 1957, № 2, стр. 119—134; ее же, К истории Самаркандского договора 712 г., — КСИВАН, вып. XXVIII, 1960, стр. 69—79.

¹²² У С. Г. Кляшторного были предшественники тюркологи, начавшие тюрко-согдийские исследования. См.: А. Н. Бернштам, Древнетюркский документ из Согда, — ЭВ, т. V, 1951, стр. 65—75; рец. на эту работу с поправками в чтении документа; С. Е. Малов, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1954, т. XIII, № 2, стр. 197—198.

¹²³ С. Г. Кляшторный, Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по руническим текстам), — ЭВ, т. IX, 1954, стр. 55—64; его же, Согдийцы в Семиречье, — СЭ, 1959, № 1, стр. 7—11; его же, Титул согдийского владетеля в древнетюркском тексте, — ПВ, 1960, № 6, стр. 134—135; его же, Согдийцы в Центральной Азии (по руническим текстам), — ЭВ, т. XIV, 1961, стр. 29—31.

¹²⁴ Переводы М. А. Салахетдиновой (из «Тазкира-и Ходжаган» Мухаммед Садыка Кашгари, из «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша и из «Хидайат-наме» Мир Халь ад-дина) были опубликованы в ИАН КиргССР, II—III за 1959—1961 гг. и вызвали высокую оценку в историографической работе: В. П. Шерстобитов, К. К. Орозалиев, Д. Ф. Винник,

из арабских, персидских и тюркских источников по истории киргизов с X до XIX в. Эта работа была начата Киргизской группой, существовавшей при Секторе восточных рукописей в 1954—1955 гг. и работавшей тогда под руководством М. Ю. Юлдашева. После организации ЛО ИВ большинство участников Киргизской группы были включены в состав сотрудников Иранского кабинета. В переводах извлечений, вошедших в сданный в печать в 1964 г. вып. I сборника «Материалы по истории киргизов и Киргизии», участвовали О. Ф. Акимушкин, З. Н. Ворожейкина, Л. Н. Покровская, Л. З. Писаревский, В. А. Ромодин, М. А. Салахетдинова, К. Б. Старкова ¹²⁵.

О. Ф. Акимушкин (работает в ЛО ИВ с 1953 г.), которому в этом сборнике принадлежит переводы извлечений из источников тимуридской эпохи, занялся изучением источников по истории Восточного Туркестана и подготовил полный перевод (с историко-филологическим комментарием) сочинения Махмуда Чураса — единственного персоязычного источника по политической истории Восточного Туркестана XVI—XVII вв.

Нарративные источники XVI—XIX вв. по истории Средней Азии, прежде всего ее северо-восточной части, изучались В. А. Ромодиным, опубликовавшим о них несколько статей и доклад, прочитанный на XXV МКВ в Москве ¹²⁶. В. А. Ромодин работает в ЛО ИВ с 1955 г. После кандидатской диссертации «Социально-экономический строй юсуфзайских племен (сравнительно с другими афганскими племенами) в XIX в.» результатом его многолетних занятий новой и средневековой истории Афганистана явился сводный труд «История Афганистана» (т. I—II), том I которого написан В. А. Ромодиным вместе с В. М. Массоном ¹²⁷. Главной задачей, поставленной перед собой авторами этого труда, было дать общий обзор истории Афганистана, основываясь на исследованиях и материалах, имеющихся в советской и зарубежной специальной литературе. При освещении ряда вопросов политической, социально-экономической истории и

Очерк истории исторической науки в советском Киргизстане (1918—1960 гг.), Фрунзе, 1961.

¹²⁵ Значительную часть извлечений, подготовленных для II вып. «Материалов», составляют переводы из китайских источников, выполненные А. А. Кондратьевым.

¹²⁶ В. А. Ромодин, Новый источник по истории Кокандского ханства, — ПВ, 1959, № 3, стр. 110—113; его же, Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда, М., 1960; см. также: В. А. Ромодин и А. А. Кондратьев, Опыт сопоставления сведений, — СВ, 1958, № 4, стр. 125—136.

¹²⁷ В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I—II, М., 1964—1965.

истории культуры и искусства авторы опирались также и на результаты собственных исследований.

Важный источник по истории средневекового Ирана — «Тарих-и Систан» разрабатывается Л. П. Смирновой. Л. П. Смирнова окончила аспирантуру ЛО ИВ в 1963 г., с 1965 г. после защиты диссертации¹²⁸ работает в ЛО ИВ. Ею подготовлен и сдан в печать перевод хроники «Тарих-и Систан» — первый перевод на европейские языки. Этот историко-географический свод по Систану, содержащий данные по его истории с VII в. до 1324 г., дает богатый фактический материал по политической истории Саффаридов.

Ряд вопросов истории Ирана позднего средневековья и начала нового времени успешно разрабатывался в ЛО ИВ Н. Д. Миклухо-Маклаем, опубликовавшим несколько работ по источниковедению, по истории Сефевидов, о взаимоотношениях Ирана со Средней Азией и по истории Ирана в XVIII в. Н. Д. Миклухо-Маклай работает в ИВ с 1942 г., в 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию «Афганское завоевание Ирана (1723—1730)». В опубликованных Миклухо-Маклаем исторических работах анализируются социально-экономические вопросы, изучаются народные движения¹²⁹. Значительное место среди исследований Миклухо-Маклая занимают его источниковедческие работы.

Среди исследователей феодальной эпохи Среднего и Ближнего Востока видное место в советской медиевистике в течение последних десятилетий занимает И. П. Петрушевский. В ИВ он работал в 1945—1947 и в 1950—1961 гг.

Будучи специалистом прежде всего по истории Ирана и Закавказья, И. П. Петрушевский опубликовал ряд трудов, имеющих важное значение не только для социально-экономической истории непосредственно изучаемых им стран и народов, но и для разработки теоретических проблем развития феодализма на всем Среднем и Ближнем Востоке¹³⁰. В своих работах И. П. Петрушевский уделил внимание в первую очередь истории хозяйства, анализу социально-экономических отношений, исследованию аграрных проблем и положения крестьян, рассматривая на основе этого историю народных движений и идеологических течений.

В тематике исследований И. П. Петрушевского источниковедение занимает видное место. Он опубликовал работы о Хамдаллахе Казвини, о персидских официальных документах

¹²⁸ Л. П. Смирнова, Язык «Тарих-и Систан» (грамматика, лексика), Сталинабад, 1959; рец.: Т. Джуроев, — газ. «Маориф ва маданият», Душанбе, 1960, № 156.

¹²⁹ См.: «Библиография Ирана. Сост. Л. К. Сверчевская», М., 1967, № 968—972, 978, 1036, 1052—1056, 1541—1543, 1588, 5223.

¹³⁰ См. «Список основных научных трудов профессора И. П. Петрушевского (к 60-летию со дня рождения)», — ПВ, 1959, № 2, стр. 254—256.

XVI — начала XIX в., о Рашид ад-дине и его историческом труде, о персидском трактате по истории агротехники времен Газан-хана и другие источниковедческие исследования. В своей работе о труде Сейфи И. П. Петрушевский впервые обстоятельно проанализировал до того малоизвестный и недостаточно использованный историками источник, дающий возможность пополнить многими интересными деталями картину внутренней жизни Хорасана и соседних с ним областей на рубеже XIII—XIV вв. и содержащий большой материал по политической истории княжества гератских правителей династии Куртов¹³¹.

И. П. Петрушевский был одним из основных авторов и редакторов вышедшего в качестве учебного пособия сводного труда по истории Ирана¹³², а также опубликовал на основе читанного им на восточном факультете ЛГУ спецкурса книгу «Ислам в Иране в VII—XV вв.» в качестве учебного пособия «по истории ислама, истории Ирана и сопредельных стран, их культуры и идеологических учений»¹³³.

Свои многолетние исследования по истории сельского хозяйства, социально-экономических отношений, народных движений и идеологических течений средневекового Ирана И. П. Петрушевский подытожил в монографии «Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XV вв.» (М., 1960).

Для раскрытия сущности социально-экономических процессов, происходивших не только в Иране, но и во многих других феодальных странах Востока, первостепенное значение имеет обоснованный Петрушевским на большом фактическом материале вывод об отсутствии в Иране, Средней Азии, Афганистане и арабских странах крупного собственного хозяйства феодалов, основанного на барщинном труде. Вследствие этого в этих странах (в отличие от большинства стран феодальной Европы) феодальное поместье не было основной хозяйственной единицей¹³⁴.

И. П. Петрушевский подготовил к печати т. I «Сочинений» В. В. Бартольда, включающий классический труд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Труд этот вышел в более полном виде — впервые опубликована последняя его

¹³¹ И. П. Петрушевский, Труд Сейфи как источник по истории Восточного Хорасана, — «Труды ЮТАКЭ», т. V, 1955, стр. 130—162.

¹³² Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий, История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века, Л., 1958.

¹³³ И. П. Петрушевский, Ислам в Иране в VII—XV веках (курс лекций), Л., 1966.

¹³⁴ О значении этого вывода см.: Р. А. Ульяновский, Некоторые вопросы марксистско-ленинского учения о формациях и проблемы современного аграрного строя в странах Востока, — «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966, стр. 188—189.

глава, не завершенная автором. Впервые также напечатана в приложениях речь В. Бартольда перед защитой диссертации, когда ему вместо степени магистра была присуждена степень доктора. Речь эта важна для суждения об исторических взглядах ученого и является ценным документом истории передовой русской культуры.

Для этого тома И. П. Петрушевский написал краткую «Биографическую справку» и предисловие, в котором дана научная характеристика труда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» и четко выявлено то новое, что внес Бартольд своим трудом в историческую науку.

Академическое издание «Сочинений» В. В. Бартольда имеет большое значение в советской историографии Востока. Большинство переиздаваемых трудов Бартольда относится к тем необходимым пособиям, которыми продолжают пользоваться историки, этнографы, археологи и другие специалисты, изучающие прошлое народов советского и зарубежного Востока. При издании используется архив Бартольда, и часть его работ выходит с его дополнениями и исправлениями, публикуются ранее не изданные работы. В примечаниях составителей указываются основные публикации источников и исследований, вышедшие в свет после смерти Бартольда, а в необходимых случаях даются дополнения и исправления к тексту (только в примечаниях).

Для того чтобы успешно продвигаться вперед в любой науке, необходимо хорошо знать, что уже сделано предшественниками. Издание «Сочинений» В. В. Бартольда дает возможность основательно разобраться в этом историкам Востока и исследователям смежных специальностей.